

ФОРМУЛА ГОРЕНИЯ

дние песню поют, — забыв обо всем.

В ОТ УЖЕ больше четверти века годы артиста Богданова только театральные звонки отсчитывают: первый, второй, третий — «Баш выход!». Последние пятнадцать лет Валентин Николаевич работает в Севастополе, на сцене флотского театра. Этапными для себя считает роли Семена Давыдова из «Поднятой целины», Сирано де Бержерака из одноименной пьесы Э. Ростана, адмирала Нахимова из «Малахова кургана» В. Панкова, генерала Батюка из пьесы К. Симонова «Завтра в семь».

В театре своя мера правды. Свой способ ее доказательства. Отыскать этот способ и режиссеру, и актеру бывает нелегко. Проще, быть может, обращаясь к современности, когда есть надежда укрыться за бытовыми подробностями, подкупая зрителей привычным антуражем переживаний. Но как вывести современника на путь душевного потрясения? Есть такие пики человеческого существования, где его жизнь обретает звучание легенды. Война и человек — тот самый пик. Оттого Богданов с таким упоением работает над образами людей, по зову долга и сердца ставших воинами. И, как правило, эти роли всегда получают высокую оценку.

Приведу лишь одну, но типичную выдержку из рецензии на спектакль «Флаг адмирала» А. Штейна: «Подлинной актерской удачей стала роль Тихона Прокофьева — артиста В. Богданова. Его Тихон пред-

стает перед нами как своеобразный символ русского характера, характера неумоимого, бунтарского, способного на героические дела и подвиги. Сцена гибели Тихона, водрузившего российское знамя над неприступными укреплениями, глубоко потрясает зрителей, и они награждают актера бурными аплодисментами...»

— Память тех, кто видел и пережил войну, и память людей, войны не знавших, разного свойства. Вам, Валентин Николаевич, как актеру приходится жить «чужой» памятью, «чужой» болью. С чей вы выходите на сцену, какую цель ставите в этом случае перед собой?

— Мой дед, кузнец, был первопроходцем той земли на Южном Урале, где позже выросло село моего детства Варгаша. Отец, учитель, погиб на фронте, защищая эту землю. Вот какое наследие — личное, не чужое — завещано мне и двум моим братьям. Один из них стал педагогом, другой — писателем. Сам я молотобойцем начинал: с 16 лет в кузнице работал. Мать долго не верила в меня как в артиста. Пока не увидела в спектакле «Все мои сыновья»: в нем я впервые под ногами живу землю ощутил... Наверно, это и есть единственная достойная правда памяти: действительно наследуя опыт прошлого, укреплять животворные силы настоящего. Иначе зачем она — память? А без нее нет у жизни продолжения. Удастся «зарядить» зрителя этой правдой — я счастлив, нет — чувствую себя виноватым, опустошенным.

— А какие из этих чувств вам более знакомы?

— Неудовлетворенность. Когда играешь в безнадежных, пустых спектаклях. Без сверхзадачи. Есть сюжет, текст, грим... А чего нет? Как объяснить? Нет взгляда на нашу землю, нет ощущения смертности и вечности человека, нет любви к нему, нет чувства собственного ничтожества или величия, нет молитвы: «будьте лучше!» или «будьте прокляты!». Вот это все и есть сверхзадача. Без этого — ремесло.

— Как сложился для вас нынешний сезон?

— Полгода репетировала, четыре роли сделала, а практически ничего не играю: спектакль «Вызывается Крижевский» прошел всего один раз. «Жанна» — два, «Монолог на площади» — пять, «На флаг и гюйс» — чуть больше, но может ли это быть утешением? В молодости нам кажется: мы все можем. Зритель видит искренние работы, но потом понимает, что гоубой это не пережито, идет игра и все. Знание и опыт приходят уже с годами. И в этот вот момент актеру очень нужна, прямо таки необходима колоссальная нагрузка. Ведь то, что я, актер, могу сказать сейчас, завтра может стать уже ненужным. Да и я не смогу уже это сказать: роль должна жечь — иначе она мертвая. А зрителям нужно, чтобы мы не молчали, чтобы каждый из нас говорил по-своему и о своем.

Д. А. УЖЕ никогда не сможет «сказать» со сцены о «своем» Теркине артист В. Богданов. А ведь десять лет жил этим образом, всю поэму наизусть выучил. Не первый год ждет и постановки «Иванова» А. Чехова. Ждет — это значит с присущей ему истовостью продолжает свой долгий и неустанный труд по бживанию в материал пьесы и роли, по сохранению в «полной боевой готовности» актерской формы... Дождется ли? А пока заполняет невозвратное время простое тем, что читает и перечитывает Достоевского, Горького, Астафьева, «прицеливается» к их героям, размышляет о возможностях инсценировки. Благо, опыт какой-никакой уже есть: между делом — не сидеть же сложа руки! — написал инсценировку по роману Э. Трю «За два часа до темноты». Рецензент министерства культуры УССР, народный артист республики Н. Равицкий прислал ободряющий отзыв: «Инсценизация... рождает ощущение подлинной правды. Мы видим характеры людей, их помыслы, отношение к бурным событиям на подводной лодке, когда... человечество могло быть вовлечено в бездну третьей мировой войны...»

«Неспокойный человек», — услышал я однажды в театре реплику по адресу Богданова. И не понять было, что скрывалось за ней — хула или похвала.

Неспокойный? Да нет — неуспокоенный. Замечательное свойство характера истинно творческого человека! Кто такой актер? Что такое его роли, его жизнь? Ответ — в поэтической формуле Э. Мекслайтиса:

Стремиться от солнца

к солнцу,
Стремиться... и не достичь...
Обжигающая формула одержимости, «пароль» единомышленников: каждый человек — если он по натуре своей творец — может сказать так о своей работе, о своей жизни...

Ю. ЖУЧКОВ.

Фото В. Докина.

С той поры старался не пропускать спектакли, если знал, что в них занят артист Богданов: каждая встреча обещала продолжение разговора на волнующую его, художника, тему — о месте человека на земле, его назначении и ответственности. Разговора, который не мог оставить равнодушным, безучастным и меня, зрителя.

В эти дни Валентину Богданову исполнилось 50 лет — рубеж на жизненном пути, когда, как говорится, не грех и оглянуться на пройденный его отрезок.

— Попробуем это сделать в форме прямого диалога: актер—зритель? — предложил я. Валентин Николаевич усмехнулся:

— Значит, опять: наедине... со всеми?

— Вы как-то говорили, что зрительный зал для актера — это его совесть. Следовательно...

— Жизнь — не театр. Хотя один из героев Шекспира, помнится, и утверждал обратное.

— Кстати, а с чего начался театр в вашей биографии?

— С провала на вступительных экзаменах в школу-студию МХАТ. Получил тройку за сочинение — грамматика подвела. Вот тогда я и понял: театр — это не фотооткрытки в книжках, а груд нещадных. Сибиряк я, к серьезному труду с военного малолетства привык, потому и проникся уважением к своей будущей профессии. Начал работать, как у нас на ро-